

33-й год...

Григорій Коваль

Трудящим людям,
Всеблагий,
На їх окрадений землі,
Свою Ти силу ниспошли.
(Т. Шевченко)

Любовь и голод правят Миром
(Ф. Шиллер)

Предисловие

Трагические события 1933 года в Украине обобщены здесь в форме повествующего очерка на основании непринужденных бесед и рассказов очевидцев, которые были (чаще) жертвой невероятного террора, либо оказались своеобразными исполнителями беспримерно-жестоккой, широкомасштабной ликвидации гражданского населения голодом.

Все случаи и социальный климат на различных уровнях (от домашнего разговора до общественно-политических мероприятий) неоднократно и в течение многих лет проверялись мной по различным источникам; в частности — документам ЦК ВКП(б) и Совнаркома за 1928-1933 гг и другие периоды; по материалам съездов и совещаний колхозно-совхозного крестьянства. Использовались соответствующие публикации и всевозможная, объективная информация, начиная от материнских слез и молитв, впечатлений раннего детства; вплоть до научных обобщений украинского исследователя И. Дияка (2000, Киев) [1].

Автор родился и вырос в селе Новый Луг Пятихатского района, на Днепропетровщине в селянской семье. В 1949 году, окончил Эрастовский сельскохозяйственный техникум. Служил на Северном флоте и демобилизовался офицером запаса. Затем окончил Уманский сельскохозяйственный институт и много лет работал в социальной среде тех, кто сполна пережил на себе "заботу" кровавого коммунистического режима.

Впоследствии, изучая в течение 26 лет сорта и виды орехоплодных культур, в системе ВНИИР (на Майкопской опытной станции) провел 6 обширных экспедиций по предварительному обследованию и сбору растительных ресурсов на Кавказе и, частично, в украинских Карпатах, где уточнял не только структуру флоры, но и особенности быта людей.

Образ искреннего и смелого грузинского парня Гиви взят в качестве этнического

типажа в противовес сугубо личным диктаторско-живодерским свойствам Сталина (Джугашвили), совершенно не характерным, не присущим любому народу. Хотя в ракурсе показа целенаправленного геноцида и этнического нивелирования украинцев московскими горгонами [2], можно было привлечь и аналогичных представителей большевистской империи, например; казаха, русского, якута или эскимоса.

В целом же, природным экраном приведенного бедствия послужили родные села, различные по душевному содержанию земляки, извечно близкие и дорогие люди со многих регионов древней Украины.

Без ретуши — прямо из кабинетов и других мест их темной деятельности — подобраны партократы, "начальство". Ленев, в известной мере, реализует инициалы вождей — Йосифа под эгидой Владимира. Однако Куц, его моральные побратимы — герои, цвет нации, о которых еще будет сказано.

Феномен 1933 года является горьким плодом беззакония деспотов, развращенных необъятной властью, благодаря рабскому социальному климату общества; и в такой связи касается каждого.

Только благородная память людская, увековеченная в сознании народов Светом Разума, способна избавить Мир от зла!

Выезд

Было раннее весеннее утро. По степному шляху, который вел к большому украинскому селу Водянэ, ехала изящная тачанка. Пара добрых, вороных лошадей, легкой иноходью катила на мягких рессорах большое начальство из центра.

Уполномоченный ЦК ВКП(б), Йосиф Владимирович Ленев в сопровождении местного начальника районной милиции, Максима Петровича Куца и молодого милиционера, Гиви Каприкадзе, делал выезд "на периферию". Он имел строго секретный наказ: самолично убедиться и проверить на местах как практически выполняется архи-операция по умиротворению активного населения республики на основе постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 сентября 1932 года, которое подчеркивало, что урожай текущего года был "удовлетворительный" и строго предупреждало колхозы, совхозы, МТС, что для будущего сева семенная ссуда выдаваться не будет!

Более того, постановлением цэка и приказом Совнаркома от 23 января 1933 года, а также рядом текущих распоряжений, категорически предписывалось немедленно сдать в счет хлебозаготовок вообще "все зерно!" вплоть до посевных фондов и повсеместно организовать жесткие поиски "кулацких тайников с хлебом", что давало возможность спецотрядам "активистов" отбирать (а чаще — отнимать!) у населения все съестные припасы в целом, как у "кулаков и подкулачников", саботирующих весенний сев. Кроме того, под угрозой уголовной ответственности, селянам запрещалась торговля хлеботороварами, а также любые переезды и даже переходы из села в село — полная блокада!

"Что и говорить, — обдумывал ситуацию Ленев, — Джугашвили вооружил нас до зубов. Ленинскую операцию по ликвидации кулаков и подкулачников проведем по-

генеральски!..".

Место кучера на облучке занимал черноусый, статный Гиви. Сзади, утонув в удобном сидении, покоилось начальство: тучный, уже немолодой представитель верховной власти, в белом полотняном картузе и темно-зеленом френче, затянутом на все пуговицы так, что жирный подбородок свисал на воротник. Рядом примостился худощавый Максим Петрович, накинув на плечи длинную кавалерийскую шинель и низко напустив на лоб козырек форменной фуражки, прикрываясь от лучей восходящего солнца.

Вокруг буяла весна! Ярко зеленели широкие озимые поля; на межниках и в балках, волнуясь от легкого ветра, наливались сочные травы. Бесконечное голубое небо, казалось, звенело голосами жаворонков; все окрест заливая необъяснимой радостью. Гиви хотелось петь, пуститься вскачь; взлететь в прозрачную синь небес и парить там орлом. На горбоносом, красивом лице блуждала улыбка. Сдерживаясь, Гиви энергично расправил плечи, поправил ремни портупеи и тихо запел протяжную мелодию.

— О чем поешь, Гиви? — спросил Куц, желая рассеять тягостное молчание.

— Да, все о том же, товариш началник: о красоте, о любви. Я тэпэр вижу, что Украина так же прекрасна, как и моя Грузия — у нас высокие зеленые горы идут в нэбо, а здэс... широкие, зеленые поля тожэе вдали соединены с горизонтом. Замечательно! — он тут восторженно воскликнул, показывая в сторону открывшейся панорамы села, — смотрите!

Особой белизной светились под лучами солнца хаты, утопая в зелени садов, верб, тополей. Село, как будто сошло с чарующих полотен Куинджи, дышало поэзией гневного Тараса [3]. Гиви машинально остановил лошадей. Максим Петрович зачаровано смотрел на исконно родной пейзаж:

Нэначе рай наше село,
Зэлэным гаем поросло,
Цвітуть садкы,
билиють хаты,..

— продекламировал он.

— О!.. Да, вы лирик! Кобзарь, наверное, наизусть знаете? — не без иронии заметил Ленев.

— Что, вы! — смутился Куц, — Так, немного знаком. Сам-то я кубанский, но здесь наша первая родина. Хотелось бы и Шевченка, как следует почитать; да, все некогда! С четырнадцатого [4] в седле: то "Германская", то "Гражданская". Но теперь осел здесь навсегда!

— Говорят, Вы полком командовали? — восхищенно глядя на бывалого конника, спросил Гиви.

— Было и такое, — подтвердил Куц.

Синие-синие глаза Максима Петровича озорно заблестели. На суровом, мужественном лице промелькнула улыбка. Он смотрел куда-то вдаль, будто видел там, в прозрачной, зыбкой дымке бывалые походы, сабельные схватки:

— А сколько здесь друзей-товарищей оставили среди этих роскошных степей? — и, словно в память о павших, наступила минутная тишина. Только лошади, пощипывая сочную траву, всхрапывали и скрипели сбруей, а в голубом зените по-прежнему заливались неугомонные жаворонки. Гиви влюбленно смотрел на стройную, крепкую фигуру своего командира; он уважал его за мужество и простоту, за боевой и вместе с тем добрый, отеческий характер. Порой, парень думал, что и его отец был такой же сильный и смелый: — И мой отэц, Шота лег в этих степях, — шумно вздохнув, негромко сказал Гиви и жизнерадостная улыбка слетела с его лица. — Мнэ дэдыко (мама по-нашему) говорила: "Иды, сынок, туда, гдэ остался твой мама, найди там невесту и снова возвращайся домой!" Вот, когда найду дэвушку — отпустите, товариш начальных?!

— Отпустим, отпустим, Гиви! — весело ответил Куц, дружелюбно глядя на рослого, ладного парня, которого тоже полюбил за честность и преданность "общему делу". Горестно скучал по родным местам. Это заметил Максим Петрович и нередко приглашал Гиви "на сімейну вечерю"; он стал другом малолетних сыновей Куца: "Який чемный та гарный Гиви! А діты за ним, як за рідным братом скучають", — говорила жена Максима Петровича.

Во время мимолетной беседы Ленев сидел молча, скрестив руки на животе, и, казалось, безучастно слушал сопровождающих. Затем с некоторым оживлением спросил начальника милиции:

— Так, значит, вы кубанский казак?

— Да, — кубанский. Но чувствую себя здесь, как дома, на земле славных и древних предков. И жена местная, из Чистого Лугу; это рядом, вон за тем бугром! — он показал на север.

— Выходит, что едем до тещи на блины!? — пошутил Ленев.

— К сожалению, там теперь никого нет. На прошлой неделе ездил туда милицейский наряд. Хаты позаколачивали, а единственную женщину, которая осталась в живых, привели в район на очкуре, привязав к бичке, как одичавшую.

— А, что случилось? — заинтересовался уполномоченный.

— На бюро райкома этот эпизод обсуждали. Припоминаете? — уклончиво ответил Куц, глазами указывая на Гиви, мол: "зачем ему знать про умалишенную, поевшую своих детей!?"

— Ах, да! Вспомнил!.. Тяжелый случай.

Молодой спутник пытался уловить смысл разговора, но не мог логично увязать слова. Радостное настроение вдруг пропало: "куда едем?". Лошади шли шагом. Все примолкли, оставаясь со своими мыслями.

"Зафиксированы (и во множестве!) факты каннибализма." — анализировал обстановку представитель цэка, — "И до какого состояния можно довести Человека разумного, как вид, голодом!? Мать! Своих родных (!) детей! Да-а-а... намеченная программа бесшумной ликвидации активного населения срабатывает превосходно: кто выживет — будет наш. Однако какое бремя? В один сезон уложить миллионы! Поймут

ли нас потомки?" — рассуждал горгон, приобщавший себя к процессам Мировой истории. Он припомнил последнее (перед выездом) совещание в "цэка", где их, посвященных в абсолют секретности, предостерегали: не оставлять никаких следов — ни малейшего намека на голод! "Все совершенно понятно, особенно если... на уровне интересвазей!" — философствовал доверенный руководящей и направляющей силы [5].

"Что творится?" — возмущался Максим Петрович — "Не успеваем закапывать умерших. Неужели все они "враги", "кулаки и подкулачники"? Умирают от голода обычные хлеборобы, бывшие бойцы-конармейцы, их дети и жены!.. Уже нет ни единой души на Вольном, в Сухановке, Закрытной."

Между тем тачанка выехала на пригорок и начала пологий спуск, приближаясь к чарующим издали хатам. Уже просматривались отдельные деревья и постройки. Слева, островком в открытой степи, показалось кладбище заросшее кустистыми растениями и обвалованное глубоким рвом. Там виднелась большая куча свежерытой, глинистой земли.

— На похороны едем, — упавшим голосом сказал Гиви, глядя в сторону кладбища. Старшие промолчали.

Из села, навстречу тачанке, выехала крытая подвода-фургон, которую натужно тащила пара низкорослых лошадей. Двое мужчин тащили их под уздцы; третий, энергично размахивая батоном, понукивал сзади и без того вытянувшуюся от напряжения упряжку. Возчики явно спешили, как будто намереваясь упрятать тайный груз. Увидев тачанку они засуетились и, свернув с дороги, направились в сторону кладбища. Однако телега не успела значительно отклониться и когда упряжки поровнялись, то расстояние между ними составило 20-30 шагов. Уполномоченный отчетливо увидел на развалистой телеге трупы людей, небрежно прикрытые грязной, рванной мешковиной. На задку подводы, поверх дерюги, в скрученной, нелепой позе лежало тело по-видимому, молодой женщины. Голова ее круто подвернулась назад так, что виднелась только тонкая, белая шея. Несколько перепутавшихся разков-монист [6] тускло блестели на красиво расшитой белой сорочке; одна рука свисала плетью, другая поджалась туловищем. Гиви показалось, что молодая особа собралась на какой-то торжественный праздник либо свидание, но несчастье настигло ее врасплох: "Банда! Убийцы!?" — промелькнуло в голове милиционера и он резко остановил лошадей.

— Что за театр?! — прошипел Ленев, глядя на Куша.

— Было четкое распоряжение: все это делать только в ночное время! — пояснил начальник милиции.

Гиви растерянно поглядывал по сторонам. От телеги, которая также остановилась, тяжело побежал к тачанке один из погоничей, развевая полами длинного серяка. К прибывшим торопливо подошел, спотыкаясь, мужчина средних лет. Он часто и хрипло дышал через открытый рот, обнажая редкие зубы и засасывая жидкие усы. На скуластом лице беспокойно метались темные глаза. Постреливая взглядом на сидящих в тачанке, он спешно решал кому объясниться. Что-то мелкое и хищное угадывалось в лице, позе, движениях могильщика. "Шакал!" — оценил про себя Гиви. Наконец,

подбежавший устоял на Куца. Вся его полусогбенная фигура изображала готовность выполнить любое приказание. "Этот кого угодно зареет!.." — подумал Максим Петрович и строго спросил:

— Вы, кто?

— Гырко Дэныс!.. Активист и бригадир колхозу "Шлях до Комунизму!"

— Вы, что же делаете?

— Зарываем э-э-э людэй! — и он показал кнутовищем на подводу, возле которой стояло двое мужчин, одетых по-армейски. На их островерхих буденновках-богатырках пестрели большие красные звезды.

— Да, не об этом речь! — досадовал Куц.

Уполномоченный уточнил, все еще укоризненно глядя на милицейского начальника:

— Но, с какой стати днем?

— Вас предупреждали, что такие, вот, захоронения обязательно делать только в темное время суток?! — переадресовал вопрос Куц бригадиру.

— Вы, повирыте, товарыш командир! — прижимая к груди руку с кнутом, оправдывался активист, коверкая языки, — Не управляемся! Всю ночь шарымо по хатам — вроде бы всех кто захолов выкинули на брычку? А тут, ось дочка Малины (старых мы еще зимой закопалы) он, Настя!.. Бачимо, сыдыть, вырядылася, як на свайбу! А голова вже не держиться. Вона еще вчера на ладан дыхала; ну, знаетэ,.. була еще жива. Бо, у сильради казалы, ш-шшоб живых, не того... у яму не кидалы. От и довелось задержаться. Он, ба! насних кинулы зверху, даже прикрыть не успилы! Знаете, всяк бывает!..

"Такому дай волю — живым зареют! Надежные работники!" — глядя на могильщика, отметил представитель центра и уже примирительно спросил:

— Ладно, а сельсовет где?

— Сильрада? Там, на том краю! — он ткнул батоном в сторону села, не отрывая преданного взгляда от важного начальства.

— Пусть один из ваших помощников проводит нас к сельсовету, а вы езжайте, — распорядился начальник районной милиции.

— Слухаю! Я пошлю Андрия, — полуобернувшись к подводе, бригадир хрипло крикнул: Андрий! Бигом сюда!

— К тачанке с достоинством подошел белокурый, широкоплечий парубок. На открытом, худощавом лице его выделялись большие, карие глаза. Он привычно подправил гимнастерку под широкий ремень, и обращаясь к Максиму Петровичу, четко представился, слегка взяв под козырек:

— Андрей Левченко.

— Конармеец? — ободряюще спросил Куц, и, получив утвердительный ответ, сказал, — садись, покажешь, где сельсовет.

Андрей взялся за перильце облучка и, коснувшись носком сапога о подножку, одним махом взлетел на сиденье, мягко опустившись рядом с Гиви. "Джигит!" —

оценил горец. "Козак!" — отметил бывший кавалерист и спросил:

— Где служил?

— На боевых тачанках, — ответил Андрей.

— Давно с рабоче-крестьянской? — подключился Ленев, — ну, как... дома? Где работаете?

— Хіба, не видно? Земляків... у землю ховаємо! — с досадой пояснил юнак, потупившись, как провинившийся ученик.

— Это кулаки и подкулачники! Туда им и дорога! Разве вам не разъясняли? — насторожился уполномоченный.

— Та, казали. — пожал плечами парень, — Я хотів на трактор сісти, землю оброблять, а тут!

— Еще сядешь! Эта страда пройдет. Вот, соберем богатый урожай, накормим твоих "земляків" и забудут они этот кулацкий саботаж! И вскоре станут веселиться и влюбляться, — несколько неожиданно для самого себя заключил он высокопоставленным откровением; затем, обращаясь к начальнику милиции, строго распорядился:

— Сегодня же собрать актив! Вижу: не понимают здесь политики текущего момента.

Все притихли. Тачанка катилась по сельской улице, вызывая у редких прохожих, то-ли страх, то-ли удивление. А весна торжествовала! Буйно цвели вишневые сады, в воздухе носился тонкий аромат свежей зелени верб, тополей; откуда-то из левадных чащоб доносились разноголосые трели птиц,

Гиви был подавлен. Потускнело и низко нависло посеревшее небо, блекло светило солнце; глухо, будто из под земли, слышалась соловьиная песня. Гиви хмуро смотрел на пыльную, ухабистую дорогу, на покосившиеся плетни, заборы, заросшие канавы. Серые, скомканные фигурки людей, понурившись сидели под хатами и оградами, безучастно глядя на опустевший мир, "И это куркули и подкулачники?" — недоумевал горец.

— Почему они так... сидят? — полушопотом обратился Гиви к Андрею.

— Они не могут ходить, у них опухли от голода ноги.

Лицо Максима Петровича стало суровым, жестким; он наклонился к Ленеvu и, кивнув в сторону обреченных, тихо сказал:

— Их всех придется вывозить. Кто работать будет?

Доверенный верховного центра ответил после непродолжительной паузы:

— Не беспокойтесь, при отборе мусор всегда отсеваается. Настоящие труженники работают! Ведь, сказано же: "кто не работает, тот не ест!"

Возле сельсовета, на стенах которого пестрели лозунги, призывающие к ударному труду, изобилию коммунизма, большое начальство встречал председатель Уласенко — толстый, полнокровный мужчина лет сорока. Вечером состоялось расширенное заседание актива в полном составе. Присутствовали члены партячейки (во главе того же председателя), комсомольцы, правленцы колхоза "Шлях до Комунізму",

представляющие организованную силу партии на селе, которая в созданной обстановке снабжалась спецпайком.

— Вы должны всегда оправдывать символическое название своей артели, ибо только коммунизм ведет к счастью, а заветы великого Ленина учат: бдительность! бдительность! И еще раз — бдительность! — подводил итоги собрания Ленев, — Вот и теперь мы вынуждены бороться с кулацким саботажем, направленным на срыв посевной кампании! Пришлось изъять излишки зерна у населения. Но это временная мера, товарищи! Отдадим! Каждый получит свое! — вещал Ленев. Он окинул взглядом слушателей: все внимательно слушали, некоторые широко раскрыли рты. "Верят!.. Сами себя душат, а верят!.. Просто, чудо!.." — оценил оратор и вдохновляясь продолжал, сам уверовав в невероятную ложь. — Сейчас необходимо обеспечить строжайший порядок и дисциплину в проведении исторического мероприятия по ликвидации кулацкого элемента! — он требовательно посмотрел на президиум совещания, где сидело местное начальство, среди которого был и колхозный голова, Кошовый — уже поседевший пахарь с округлым, задумчивым лицом мудреца. Сельское руководство согласно закивало; среди участников послышались одобрительные реплики. Пользуясь случаем Куц вставил:

— Мы здесь оставим своего уполномоченного!

— Отлично! Так и должен поступать наш "карающий меч"! — одобрил инициативу милицейского начальника Ленев.

В отдаленном уголку помещения сбилась комсомольская молодежь. Впереди сидели опытные активисты. Взгляд Ленева, скользнув по незнакомым лицам, остановился на скуластом лице Гырko, который сидел в первом ряду в том же рабочем сиряке. Поощренный высоким вниманием, бригадир вскочил:

— Не подкачаем, не подкачаем! Товарыш начальник!

— Вот-вот! Надеюсь такие как товарищ... э-э-э.

— Гырko! Дэныс Мытрохванович! — подсказал свое имя главный могильщик.

— Да-да, Гирko!.. Справятся с врагами колхозного строительства. Но запомните! Что следует делать днем — делайте! Однако, что велено проводить ночью. Так, будьте добры! И за это спросим особо! — Подчеркнул доверенный центра и твердо поставил толстый кулак на кумачевый стол, окинув собрание холодным взглядом.

После совещания Максим Петрович подозвал Гиви к себе.

— Ты пойдешь со мной. Ужинать будем у председателя сельсовета.

— Ясно, — сдержанно ответил Гиви.

Вечеря у главы местной власти была не изысканной, но обильной. Подавали наваристый капустняк с мясом, белый хлеб, домашнюю колбасу. Гостей обслуживала жена председателя — такая же упитанная, как и ее супруг, роскошная женщина. Повеселевший после доброй пшеничной водки, Ленев удовлетворенно заметил:

— Богато живете, хозяйка!

— Та, слава влади! — отвечала дородная господарка, добавляя мягкий, ароматный

хлеб в тарелки. Когда было подано дымящееся жаркое с большими кусками жирного мяса, молодому милиционеру стало дурно. Удушающая, мутная тошнота вдруг подступила к горлу и он, прикрывая рот платком, торопливо вышел.

— Что с ним?! Заболел? — обеспокоилась хозяйка.

Гости засуетились.

— Извините, сейчас выясню, — успокоил всех Куц и поспешил вслед за своим бойцом, которого быстро нашел в саду, возле хаты.

Каприкадзе стоял под цветущей вишней и глубоко дышал. В лунном свете бледное лицо его казалось исхудавшим.

— Отравился? — участливо спросил Максим Петрович.

— Н-н-нэт, я здоров. Кажется, уже прошло. Но когда увидел мясо! — и Гиви отшатнулся, сдерживая рвоту, — Мнэ показадось, что подают мясо умерших!..

— Да ты в своем уме?!..

— Но вокруг беда! Умирают от голода, а здесь жрут!

— Успокося, мне тоже это следует пережить. Знаешь, а тебе придется остаться здесь временно в качестве уполномоченного рай-НКВД.

— Что дэл-лыт? Умиротворять мертвых? — Гиви резко отвернулся, склонив кудрявую голову к стволу дерева; плечи его вздрагивали.

— Сынок!.. Потерпи... Я скорее тебя подменю. Так складываются обстоятельства, — мягко обняв парня, по-свойски говорил Куц.

Волна родственных чувств неожиданно охватила горца и он не сдерживаясь плакал, по-детски уткнувшись в грудь любимого человека.

— Ха-ра-шо... Мы с Андреем будем дружить! У него одна мама.

— Лады!.. А сейчас всполосни лицо, вон в той калушке и пойдем в хату — нужно все сгладить. Договоримся о твоих полномочиях. На довольствии будешь у председателя. Сельсовет имеет специальные фонды; я позабочусь.

Перед уходом к Андрею Гиви (уже как уполномоченный "энкавэдэ") очень элегантно поблагодарил хозяйку за ужин; затем, красиво взяв под козырек всем, четко повернулся и вышел.

— Молодой еще, — высказал сомнение председатель.

— Ничего! Этот недостаток с возрастом пройдет! — пошутил Ленев и привычно добавил, — Главное: спокойствие! Вопрос упирается в стратегию высшей политики! — многозначительно произнес он.

— Не извольте беспокоиться Владимир Йосифович.

— Иосиф Владимирович, — поправил собеседника Ленев.

— Ах! Простите, Иосиф Владимирович! Земля-матушка все укроет и сохранит навечно! — заверял секретарь партячейки большое начальство. — Вот, наедятся и-и-и забудется эта кампания! И начнут они тацевать!..

— Пожалуй, вы правы, — согласился Ленев, — Это и есть закон толпы: если уже прошло, то зачем знать? Сегодня, сейчас жить охота! Недаром же сказал поэт [7]:

"И Русь все так же будет жить,

Плясать и плакать у забора."

— Диалектика! — глубокомысленно изрек ленинец, поднимая из-за стола отяжелевшее тело.

Мама

Переутомленный Гиви крепко спал в уютной хате Андрея. Во сне он видел свое село, Когда открыл глаза, то уже совсем рассвело. Было тихо-тихо; в окна ярко светило солнце. Послышались чьи-то осторожные шаги. Подошла мама Андрея.

— Вже прокынувся?..

На бледном, исхудавшем лице ее светилась открытая, ласковая улыбка. Седая прядь волос выбившаяся из под косынки необъяснимо выделяла особую материнскую озабоченность, душевную доброту, которая наверное присуща матерям всех людей.

— Ну, як?.. Виспався? Вставай, вже пора снідати, — просто, по-домашньому обратилась она к Гиви, будто говорила с родным сыном.

— О! Кажется никогда так крепко не спал. Почудилось, вродь я дома, а мама лаваш печет.

— Ой, та воно так. Кажуть: "дома і тини цвітуть"! Там мати очі виплакала — все синочка виглядає! — рассудила мать и глаза ее заметно увлажнились. Кончиком косынки она подсушила непрошенную слезу и чуть улыбаясь, спросила:

— А як по-вашому сказати: "мама"?

— Дэда, дэдыко! — с удовольствием ответил Гиви и поинтересовался, — А как мнэ вас называть?

— Та, просто: "мати", мама-дэдыко.

— Очень харашо! Я так и буду вас звать: мама-дэдыко! — обрадовался Гиви и на душе стало легко, — Почему нет Андрея? Где он?

— Дэ ж — на гробках! Ще не всіх закопали.

— Как? Ежедневно так много умирает? — резко приподнявшись на локти, возмутился милиционер.

— Авжеж!.. Не встигають ховать. Он у "Червоному прапори" (колгосп такий) так, прямо в колодязі, погребі мертвих кидають!.. не приведи, Господь, що тут твориться! А діточок,.. ховають просто біля хат. Он, наші сусіди, Каленики, двох (Тетянку та Галю) загорнули у садку, де вони грались. Не дали на бричку!.. Та, й сами вже сидять на причілку — ноги не несуть, — и мама, сдерживая рыдание, поспешно отошла.

— Сейчас же бегу в сельсовет! Безобразие! Председатель толстый, как боров!

Гиви стал быстро одеваться. Он припомнил пепельно-серые лица тех кто сидел возле своих жилищ, на бровках канав, под деревьями — все они уже ничего не воспринимали. В это время в хату вошел Андрей; грязный и видимо сердитый. Он устало присел на низкий стульчик и начал снимать сапоги, запачканные глиной.

— Закапываем людей, как собак! Помню (еще в первый класс ходил) мы с соседским Ваньком нашли мертвое ластовенятко; сколько слез было! И похоронили мы його в садочку, навіть хрестик поставили... А в эту ночь, двадцать душ приставилось! Кинули в яму, так — один на другого, да чуток землей притрусили. Завтра, может еще

больше добавим. Кошмар! Душа болит...

— Вот-вот! Я и говорю: надо бежать в сельсовет, пусть председатель кормит людей! Советская власть это — воля народа! — горячился Гиви.

— Ты прав. Она вроде бы и наша власть, но, посмотри, кто командует? — поставил вопрос Андрей и сделал паузу, как бы предлагая товарищу самому пояснить ситуацию; затем, не мудрствуя, перешел к заключительной части проблемы, — А наш голова — пешка! Он исполняет команды, как боец партии. Даже харч (паек!) назначают в райкоме под контролем "гэпэу". Вже и частушку поют:

— Куды йдеш, куды йдеш, куда шкандыбаеш?

— У райком, за пайком! Хиба ж ты не знаеш?

И если председатель хоть подумает послушаться, то его сразу "куркулем" або даже "ворогом" сделают! А с врагами, сам знаешь, что делают.

— Ты, Гиви, не спеши, не надо! Еще и тебя "кулаком" назовут. Как мы тогда дружить будем? — попросил Андрей и слегка толкнул парня в плечо,

— Лады?

— Добро, — неохотно согласился Гиви и в ответ толкнул друга, — Здоровый ты, как дуб! Но, слушай, я обязан что-то сде́лать! — решительно взметнул вверх руку горец, выразительно глядя на Андрея.

— Должен, не спорю, — одобрил Андрей и предложил, — давай-ка, сегодня в обход пойдем. Увидишь как люди живут.

— Когда?

— Свечера выступаем в разведку, чтобы определить сколько "куркулей" нужно вывезти на гробки. И всю эту заботу следует проявлять только ночью! Сам знаешь, тот толстый предупреждал.

— Только воры ходят ночью смотреть как кто живет, — пошутил милиционер.

Был чудный вечер. Обходчики молча шли вдоль пустынной улицы. Тревожно и хмуро смотрели на цветущий весенний мир белые хаты черными глазницами окон; кое-где боязливо мерцал оконек. Люди будто замерли, а в благоухающих садах раскатисто, словно соревнуясь, заливались соловьи; на левадах оглушительно кричали лягушки предвещая ясный майский день, из дремучих болотных зарослей доносилась звонкая дробь дергача.

— Какая прелесть!.. А дышится как легко! — раскинув руки проговорил Гиви, но тут же осекся, — Но видно, смотреть и слушат... некому?

— Я также часто думаю, — отозвался Андрей и оживившись продолжал, — Затих наш соловеко, Оксана Мирошник. Говорят, когда она пела, то даже настоящие соловьи замолкали, прислушиваясь к ее дивному голосу:

Тыхо-тыхо на вулыци будэ,

Ой як мий мылый из поля прыбудэ!..

— Ты, ее любил?

— Нет, я ее... боялся.

— Ну, ты, брось! Почему?

— Она была очень красивая, а я к таким не осмеливаюсь подходить.

— Говоришь: "была". Разве ее уже н-нет?

— Еще сидит, одна-одинешенька в хате, а отца с матерью еще рано весной отвезли в яму, — притихшим голосом ответил Андрей.

Вглядываясь в сторону ближней хаты, Гиви показал:

— Смотри, а там... Кто-то сидит.

— Может Доценко? Его хата. Тоже опухли с женой. Давай, проведем.

Подошли ближе, Андрей окликнул, но темная фигурка даже не шевельнулась. Гиви, перемахнув через забор, быстро подошел к сидящему и поднял его голову, опущенную на грудь. Лунный свет тускло блеснул в остеклевенных глазах Доценка. Милиционер отшатнулся:

— Он мертв!

— Нужно найти его жену, Орышку. Она, видно, здесь в хате.

— Но он мертв! — вскрикнул представитель НКВД, — положено заключение: отчего наступила смерть? Где доктор?

— Ты, как маленький, какой доктор!? Только в эту ночь таких... на две подводы наберется! А смерть наступила от голода! Они уже две недели ждут... А, все же, ты, как представитель милиции, спроси Уласенка: как они ухитряются такую тьму людей списывать?

— Спрошу, — уныло ответил Гиви, сознавая свое бессилие: "вот тебе и социалистическая законность, которая "самая гуманная в Мире", — терзался милиционер (он мечтал стать юристом и быть самым справедливым судьей). Андрей чуть коснувшись руки, вывел уполномоченного из оцепенения:

— Пойдем, поищем жену покойника.

Дверь хаты была приоткрытой и Андрей распахнул ее настежь. Обходчики неспеша вошли в просторные сени. В углу, возле входной двери, на широкой скамейке стояло пустое ведро. Слева зиял темным проемом вход в жилое помещение, откуда несло сыростью и характерным запахом пустоши. Напряженную тишину вдруг разорвал приглушенный звук: "Угу! Угу!" — парни невольно вздрогнули:

— Уже поселился!

— Кто?

— Сыч. Он гнездится на чердаках опустевших жилищ и предвещает домашнюю разруху, — пояснил Андрей.

Они обыскали обе половины хаты, заглянули даже в печь, но хозяйки не нашли.

— Ушла куда-нибудь? А, возможно, кто забрал? Дети у них были? — догадывался Гиви.

— Двое. Иван (мой ровесник) он где-то там, у вас на Кавказе прижился; а младший, Степа, сырой кукурузы наелся — умер еще зимой. Но как он мучился!.. Живот вздуло, пришлось в райбольницу везти — Кошовый свою бидарку давал. И, представляешь! Доценка с больным сыном, перед въездом в районный поселок, остановил конный

разъезд и, пригрозив тюрьмой, вернули назад: "Не имеем права! Вышел закон, запрещающий переезды в связи с кулацким заговором." Батяко плакал: "Сынок помирае!.." "Нет!.. иначе — арест." Правда (Доценко говорил) старший разъезда взял их адрес и обещал передать главному врачу больницы. Хотя на то время Степа уже ни в чем не нуждался — он вскоре затих и скончался на коленях отца в бидарке, — окончил пояснения Андрей.

При выходе из хаты, в отдаленном углу сеней, они увидели ляду, прикрывающую лаз в погреб. Андрей поднял тяжелую дверцу и нащупал, опущенную в погреб лесницу: — Посвети, — попросил он, вглядываясь вглубь.

На дне погреба, возле лесницы, лежала Доценчиха; видно она искала остатки прошлогоднего картофеля и пыталась выбраться, но силы оставили ее навсегда. Гиви тоже наклонился и, увидев лицо мертвой, выразительно прошептал:

— Как скэ-лэт!.. Не могу привыкнуть!

Глубоко запавшие глазные ямы, щеки, открытый рот, резко очерченные челюсти, скулы действительно, создавали такое впечатление, что лежит скелет, завернутый в черную хламиду. В костлявой руке Орышки виднелось несколько картофельных проростков.

— Э-если бы сам не увидел, то никому бы не поверил, — проговорил Гиви и спросил, — А как ее оттуда вытащить?

— А, знаешь, как бы поступил Гырko? — начал пояснять Андрей, — Он бы кинул туда и ее мужа, а затем завалил бы их в собственной хате — легко и быстро! За это даже хвалят — главное, чтоб поскорее и тише.

— Да, как же все это называется!? — возмутился будущий юрист.

— Еще не такое увидишь! Давай вытаскивать.

Упокоенных супругов уложили в сенях, ближе к выходу, и, прикрыв дверь, ушли. В ту ночь они осмотрели пятьдесят дворов и подготовили для захоронения семнадцать хлеборобов, среди которых было два детских тела. Перед рассветом их везли на кладбище. За телегой шел высокий, нескладный активист Сухина Яшко, поправляя на ухабах свисающие тела. Гырko вел упряжку поговаривая:

— Хлопци, не отставайте, бо нагорыть! — оглядываясь на Андрея и милиционера, хрипел бригадир, тыкая кнутовищем на алеющий восток. Он старался угодить молодому уполномоченному, которого втайне боялся. Гиви махнул, мол: "Догоним!"

Шли молча, понурившись. От каскада жутких впечатлений, усталости чувства притупились и действительность представлялась кошмарным сном. В подсознании участников текущих событий теплилась и настойчиво пробивалась утешительная мысль самосохранения, которая в силу эгоистической природы выживания, не позволяла каждому ясно представить самого себя на месте жертвы насилия. Иначе, некому было бы исполнять зловую работу везде и во все времена человеческой эволюции.

— Гиви, неужели там, в Москве, не знают об этих преступлениях? — доверчиво, вполголоса спросил Андрей.

— Напротив! Все оттуда, из Москвы, а тот же Ленеv представитель цэка! — убедительно пояснил милиционер и, наклонившись к товарищу прошептал, — А может это вредительство?

— Тогда, получается, что мы все вредители?!..

Между тем, подвода, глухо стуча колесами, поравнялась с хатой Оксаны.

— Ты, дывись! — приглушено воскликнул Гырko, останавливая лошадей и кивком показывая во двор, — А, ця... Тоже вырядылась!

Бригадир передал вожжи помощнику и быстро вошел во двор Мирошника.

— Шшьто этот шакал там увидел? — процедил сквозь зубы Гиви и поспешил вслед за могильщиком.

В сумерках зари они увидели Оксану. Девушка сидела на низком пристенке хаты прижавшись к стене, чтобы не упасть. Она не шевельнулась когда к ней вплотную подошли трое мужчин. Бледное лицо ее казалось прозрачным и нежным на фоне белой стены; на нем красиво очерчивались полудуги черных бровей, чуть раскрытые уста, глаза. Ровный пробор на голове, аккуратно заплетенные косы в лентах, густой набор разноцветных монист на светлой, вышитой сорочке, широкая синяя юбка — все говорило о том, что она старательно наряжалась, как будто готовилась на самое волнующее свидание. Гиви смотрел на девушку затаив дыхание, пораженный ее таинственной красотой: "Господи! Она должна жить."

— Ха! То вона на гробки так вырядылася?! — ухмыльнулся бригадир, затягиваясь дымом вонючей цыгарки, — а вона вже готова. Давай, кидайте ее на бричку! — решительно распорядился Гырko.

— Не трогать! — гаркнул уполномоченный, — Это нада проверить!

— Та, што тут провирять?! Кидай на подводу и баста! Я возвращаться не буду! Он, скоро сонце припечеть, а мы тут... панькаемся!

— Немедленно езжайте! — приказал милиционер, — Я отвечу.

Некоторое время Гиви смотрел на Оксану и заметил на ее щеке медленно скатывающуюся слезинку. Девушка силилась что-то сказать. "Неужели гого умирает?" — подумал юноша и жестом подозвал друга:

— Андрюш, она еще жива. Понымашь, она не должна умэреть! — волновался Гиви, — У меня, там в вещмешке, сахар. Я сбегаяю, а?

— Но если она очнется, то не примет от нас ничего, — полушопотом возразил Андрей и добавил, — Она очень гордая! Давай, попросим маму.

— О! Мама-дэдыко это очень хорошо сдэлыт; здорово придумал! Беги к ней, а я на гробки пойду хоронить.

— "Придется поработать!" — подумал Гиви, когда упряжка въезжала на кладбище, — Семнадцать могил вырыть."

Но оказалось, что и закапывание умерших было организовано с большим рамахом: по-коммунистически, оптом. Почти во всю длину кладбища была вырыта огромная траншея, куда ежедневно укладывали тела заморенных. Представитель НКВД увидел, что коллективная могила уже на две трети была заполнена.

— От, гад! — ругался бригадир, — Скоро нада копать новую братскую яму! Бо, эту вот-вот забуртуем; исшо на пару дней хватит! — и он привычно подъехал телегой к самому краю могилы...

Прошла неделя — другая, а Гиви никто не менял. Постепенно он привык к новой должности по захоронению хлеборобов. А после случая с Оксаной, которую удалось спасти, благодаря стараниям и усердию мамы-дэдыко, он нередко ловил себя на том, что уже и не ждет смены. Все чаще он представлял себе Оксану: ее голос, чистый, певучий и нежный, невольно сравнивая его с родыми мотивами. Не раз мама-дэдыко рассказывала ему, что девушка уже поправилась, ходит на работу и стала еще краше. Гиви замечал как учащенно начинало стучать его сердце при одном только упоминании ее имени. В доме мамы-дэдыко Гиви чувствовал себя легко и свободно. Однажды он даже подумал: "Как хорошо, что попал сюда! Иначе, потерял бы таких замечательных друзей! Все-таки много на свете чудесных людей: и Андрей, и дэдыко, и Максим Петрович!"

Шел май. Во время одного из обходов Андрей и Гиви пережили невероятное душевное потрясение. Тогда они направились на край села, чтобы выполнить поручение колхозного головы, всегда спокойного Кошового: "Навидайтесь до Ярыны, бо чогось давно не выходе на роботу."

Там, где образовалось топкое болото, поросшее дремучими зарослями камыша, осоки, куги; возле самой кручи, отчужденно маячила убогая хата овдовевшей Ярыны Золотько. Она имела двух сыновей: пятилетнего Мыколку и трехлетнего Сашка, которых любила до слез и всю себя отдавала белоголовым "золотеняткам" — так трогательно она называла осиротевших детей.

— А, действительно, давно не слышали Ярынын голос, — начал рассказывать Андрей, когда показались контуры ее островерхой хаты.

— Что? Она тоже сильно пела?

— Ні!.. Она так звала своих детей "вечерять", что наверно и в соседнем селе окна дрожали, — пояснил Андрей и добавил, — дебела, статна молодыця.

— Спустя минуту-другую, предрассветную тишину расколол сильный, знакомый сельчанам голос: "Са-а-шу-у-у-ня-а-а-а!.. Мы-ко-о-л-к-о-о-о! Ве-е-е-че-е-е-рять!" — нараспев звала детей Ярына.

— Какая ве-че-е-ря рано утром?! — вскинув руку возбуждался Гиви.

Непонятное чувство беспокойности охватило юношей. Предчувствуя беду, лишь переглянувшись, они бросились на странный зов. Ярына стояла за хатой и, приставив ко рту ладонь, зычно кричала в болотные заросли. Путаясь в догадках, друзья поспешили в открытую настежь дверь.

В печи горел огонь, тускло освещая закуренное помещение. На столе дымился большой казан с каким-то варевом, но больше ничего не различалось в полутьме. Гиви посветил фонариком и на лаве они увидели ваганки, прикрытые тряпьем. Сбросив

рванье, обходчики остолбенели: в деревянном корыте лежали большие куски мяса с белой кожей. "Дети!!" — пронзило обоих. Гиви громко застонал, и бледнея медленно опустился на глинобитный пол. Оцепеневший Андрей вначале растерялся: "Что делать?" — но тут же осмотрелся и прежде всего вынес товарища на свежий воздух.

В крайнем возбуждении он подбежал к Ярыне:

— Діты!! Де-е-ети твои где??..

Женщина, отвлеченно посмотрела на юнака широко раскрытыми, безумными глазами:

— Цэ ты, Степан? — тихо, безразлично назвала она имя покойного мужа, — Ну, ходім, будемо... вечерять. Неспеша, с окаменевшей улыбкой на опустошенном лице, Ярына направилась в хату. Андрей втолкнул безумную в чулан, нахлухо подперев дверь, и начал искать детей. Их мать билась в чулане: "Не зарывайте мэнэ в яму! Я ще жива! Я жива!.."

Когда умолкла обездоленная, в хате воцарилась гробовая тишина. Огонь в печи погас и Андрею стало жутко. Он зажег керосиновую коптилку. Тяжкий дух запустения, мрака, нищеты витал во всех закоулках, некогда светлого, уютного домашнего очага. Оглядывая помещение Андрей немного успокоился, но ему стало казаться, что кто-то за ним следит. Неудержимо захотелось оглянуться и посмотреть в отдаленный угол. Он резко повернулся и невольно вскрикнул: Боже!! — на лежанке он увидел две белявые головки с изможденными, желтыми лицами; уложенные рядом на большой подушке и заботливо прикрыты вышитым рушником возле шеи. Андрей дико закричал и выскочил во двор. Ему показалось будто, качнулся небосвод и звезды посыпались вниз. Он упал на свежую траву и стал неистово бить кулаками о землю: "Люди!.. Лю-ди! Лю-ю-ди-и-и!! Где же, вы? Люди!"

Холодно мерцали в непостижимом небе бесконечно далекие звезды; устало светила луна. Но по-прежнему громко кричал в камышах дергач; оглушительно звучал хор лягушек, а в отдаленном терновике славил жизнь соловей. Люди молчали.

Уехал Гиви неожиданно и это случилось во второй половине мая. Поздно вечером друзья возвращались с обхода. Поровнявшись с хатой Марфы Капынис, они услышали громкий детский плач. Постучали в окно, но в ответ еще громче закричали дети. Входная дверь оказалась запертой. Плач торопил.

— Ламай! — решил милиционер.

В сумерках хаты они увидели двух малышей. Дети стояли возле лежанки в длинных полотняных сорочках и рыдая пытались поднять маму:

— Ма-а-а-мо! — звали они, еще не осознавая или не веря в то, что случилось с их кормилицей. А она недвижимо лежала, уставив в потолок широко раскрытые, невидящие глаза и уже ничем не могла им помочь.

— Да уברי детей, наконэц! — волнуясь закричал Гиви, но быстро опомнившись, взял на руки меньшего, — Нэ плачь, дорогой! Мы дадим кушат! Не плачь, пожалуйта! Мама, твоя дэдыко, не может проснуться, — неумело обнимая малыша, говорил

представитель милиции.

Дети всхлипывая успокаивались, боязно посматривая на незнакомцев.

— Куда теперь? — неопределенно спросил Андрей, когда они вышли во двор с детьми.

— Пока домой, а завтра я их в приют отвезу. В сельсовете еще такие есть. И пусть попробуют не взять! Перестреляю! — горячился темпераментный горец, заходя угрожая бюрократам детского приюта.

Следующего дня они с трудом разместили пятерых ребят в двухместной бидарке, чтобы отправить в районный центр. Андрей провел их за околицу, где впервые он встретил Гиви.

— Маме-дэдыко скажи: никогда не забуду! И вообще, скажи у нее тэпэр два сына! — сдерживая волнение выдавил Гиви, — А эщо, знаешь,..

— Знаю-знаю! — упредил побратима Андрей, — Оксане привет?!..

— Но мы с ней даже не знакомы? — растерянно сказал Гиви.

— Вы давно, как родственники! И (по рассказам мамы) она о тебе не раз расспрашивала, — успокоил его Андрей.

— Вот, как толко освобожусь. Сразу к вам! — рубанул рукой стремительный Гиви. Друзья-побратимы обнялись.

— Ладно, трогай! Та, гляди дитэй!

— Что, ты? Детей не оставлю! Они теперь навсегда на моем учете!

Старшему из осиротевших было пять лет. Андрей с грустью смотрел на несмышленых односельчан: "До кого воны там прыхыляться? Сыроты навік!" Пять детских головок виднелось в развалистой бидарке. Гиви уселся среди целого детского букета, усадив себе на колени двух малышей; дал каждому по кусочку сахару и бодро тронул крепкого буланого коня. Дети обрадовано защибетали и никто из них не оглянулся на родные хаты, вскоре навсегда расставшие в прозрачной дымке.

В районном приюте для беспризорных детей Гиви был приятно удивлен: ребят приняли без проволочек и охотно записали всех так, как он их назвал. Устроив первоочередные дела, уже в сумерки, Гиви решил зайти к Максиму Петровичу домой и доложить о своей работе. Там он узнал, что Куц был схвачен еще месяц спустя. "Работа Ленева! Я этого так не оставлю!" — бушевал Гиви. В конечном счете районное начальство, руководствуясь принципом: "От греха подальше," решило отправить активного грузинского милиционера обратно, на его родину.

Прибыв с "периферии", Ленев сразу же зашел к начальнику райгосполитуправления (ГПУ), Зверьеву, чтобы оклеветать и добиться немедленного ареста начальника милиции. Он хотел очернить еще и Каприкадзе, но побоялся: "Кто знает, этих грузин? Они там все родственники! Еще на чингиз-секретаря, Джугашвили, налетишь!" — благоразумно рассудил доверенный цэка. В кабинете Зверьева коллеги по управлению "массами" доверительно заговорили о текущем моменте:

— Колхозное строительство, как и предполагалось, идет успешно: все кто останется в живых будут нашими, большевистскими! — Ленев мельком взглянул на районного исполнителя "колхозного строительства". В ответ сверкнул из-под кустистых бровей жесткий взгляд. Взоры их скрестились и оба подумали о демоническом "умиротворяющем" голоде, но от комментариев предусмотрительно воздержались: "в каждом болоте змеи водятся". "Кадровый вопрос" Ленев решил в приказном стиле, как сотрудник центра, так как все уровни фашистской системы ГПУ подчинялись непосредственно политуправлению ЦК ВКП(б). Он начал "с места — в карьер":

— Что же, вы, на таком ответственном посту терпите вольного кубанского казака?

— Вы имеете в виду Куща?

— А кого же еще?

— То, что он служил в Кубанском казачьем войске нам хорошо известно. Однако после воевал на нашей стороне и в Гражданскую командовал полком а, как известно, кавалерийский полк доверяют проверенным!

— А то, что у него остались белогвардейские замашки вам известно!?

— Не осведомлен, — хмуря кустистые брови, признался Зверьев.

Он сидел за огромным письменным столом, на котором стоял такой же большой, неуклюжий письменный прибор, три телефонных аппарата, кипа папок с надписями: "Личное дело". Ленев медленно ходил по кабинету и назидал:

— С миллионами, вот, управляемся и неплохо получается! Сегодня из деревни: лично убедился. А с одним-то, надеюсь, справитесь?

— Оформим! Не залежится, — Зверьев резко крутнул ручку одного из телефонов, — Начальника караула, ко мне! — приказал он в трубку.

Ленев, удовлетворенный высокой эффективностью проведенного мероприятия, уже по-дружески похвалил начальника:

— Вот, так и должен действовать настоящий страж революции!

Спустя несколько минут, возле окон начальника гпэу остановилась крытая автомашина с узкими зарешеченными окошками. "Уже и "черный ворон" прилетел", — удивился Ленев, — "у этого, на самом деле, не проскочет!"

Утром Ленев уехал в столицу, на постоянное место службы. Когда фарисейская церемония проводов была окончена и поезд тронулся, Зверьев облегченно вздохнул: "заедают надзиратели!"

Удобно устроившись в купе мягкого вагона, "солдат партии" задумчиво смотрел в окно: там проплывали хутора и села истерзанной Украины. В поле зрения не редко попадали кладбища, где выделялись уже знакомые Ленеvu зловещие кучи сырой, глинистой земли: "Идет целенаправленное упокоение народа... Стоп!" — осенило вдруг Ленева, который считал себя историком и философом — "Д-эк это же новая форма инквизиции! И как жалко выглядят средневековые аутодафисты [8], уничтожившие на кострах (кажется только в Испании?) в течение столетий лишь 30 тысяч еретиков; а шуму! Мы же только в один зимне-весенний сезон упокоим миллионы! И все — тихо, мирно, а главное — бездымно! Даже на западе не пронюхали, иначе, не признали бы

нас. Ну, просто, гениально!" — пришел в восторг новый инквизитор.

В его памяти невольно стали проявляться жертвы коммунистического прогресса: тело молодой колхозницы на телеге перегруженной трупами; бездумное лицо матери лишенной материнства. "Фу ты! И лезет же всякая!" — отмахнулся ленинец. Однако он снова ловил себя на мысли, настойчиво причислявшей его к злостному преступлению: "Но, кто докажет? Где документы историко-юридического аспекта, указывающие на организацию голода? Их нет и не будет!" — утешался солдат партии. "Хлебозаготовки, забота о будущем самого человека. Это пожалуйста, читайте! Завидуйте! Мы только о народе и думаем!" Затем он выпил рюмку коньяку и крепко уснул под размеренный стук колес.

Стоял август. Села, хутора, станицы медленно восстанавливались после опустошительной кампании ЦК ВКП(б). По вечерам слышались оживленные разговоры; люди поднимались на ноги. Андрей Левченко уже не ходил в ночные обходы. Он старательно и увлеченно учился на курсах трактористов. Каждая новая беседа о принципах работы двигателей вызвала у него длинную цепь собственных мыслей, образов, при помощи которых он создавал новые конструкции машин, часто приобретавшие фантастические формы. Приходил домой уже в сумерки.

— Прийшов? — всегда радовалась мама, — Скидай оту мазуту, та сідай вечерять.

— Ніхто не приходив?

— Нікого не було.

После ужина Андрей садился под хатой на пристенок и слушал вечерние звуки села, как очаровательную мелодию. Порой, правда, это очарование нарушали инородные звуки нового времени. Вот прошла стайка молодежи. Кто-то брэнчал на балалайке и подпевал:

В Соловки я не паеду,

В Соловки я не пайду,

— Вся милиция знакома,

Ще й начальник гэ-пэ-у!..

"О!.. Нова народна песня!" — горько усмехнулся потомственный хлебороб.

Откуда-то, со стороны ветряка, доносились волнующие девичьи голоса:

Ой, зійды— зійды, ясен місяцю!..

"А, вродь-бы, так и получается, як той сказав: "накормим и начнут они петь и развлекаться!" Андрей ожесточенно ткнул кулаком в стену и вслух с мольбой произнес, обращаясь в пространство разума:

— Нет! Нет! Это недопустимо! Мы — настоящие Л-Ю-Д-И!!!

ЭПИЛОГ

В один из чудных дней начала осени, когда оскудевшие хаты вновь обретали свой лик под божественно-чистым небом, в село приехал Гиви. Было много радости, веселья и слез. Друзья вспоминали, рассуждали, предполагали, а время их торопило. Получив давно желанное согласие Оксаны на супружество и высокодуховное благословение

мамы-дэдыко, усыновленный Гиви готовился в родные края, чтобы исполнить заветное желание своей матери.

— Вот и пришло время расставаться, — посетовал перед отъездом Гиви, когда они с Андреем оказались одни в хате.

— Нужно чаще встречаться, — неопределенно ответил побратим.

— Ты прав: братья должны жить поблизости. Думаю, нам с тобой еще повезет. Затем, доверительно спросил:

— Андрюш, а то, что мы весной 33-го пережили? Так и забудется? Ведь, никаких документов нет!

— А мы с тобой и еще, пожалуй, миллионы таких. Разве пустое место? Ты, как юрист, должен знать?! Ясно, что правители оправдаются, мол: строили цветущую жизнь!

— Канэшно, гражданское свидетельство — наиболее сильный аргумент! Они не уйдут от Мирового суда! Я никогда этим живодерам не прощу, ту, в вышитой сорочке, среди заморенных хлеборобов; общую "братскую яму"; безумное лицо дэдыко. Что может быть ужаснее?

— И сколько закопали? Не знаешь?

— Кто теперь сосчитает? Официальной статистики нет [9]. Предполагают, что только на Украине, куда была направлена главная забота "партии и правительства", умерло около девяти миллион душ! — выдавил Гиви и с досадой добавил, — Знаешь, мне трудно говорить о людях, как о чем-то неодушевленном — ведь, каждый думал, любил, мечтал... Никто не имеет права отбирать у человека душу — его жизнь. Правда?

— Та, яка мова? Ты читаешь мою думку, мои мысли! — Андрей подступил к другу и, обняв за плечи, добавил, — Действительно: а если лишить жизни одного, трех, сотни, то это много или мало?

— Спасибо, брат! Я теперь вижу, что мы встретились не случайно, — воспрянул Гиви, — И суть дела-то состоит в злонамеренной направленности колоссального преступления. Когда ехал к вам, случайно беседовал с бывшим осужденным — в Сибири лес валил. Подвыпив, он рассказывал, что как раз в то гиблое время заключенные белым хлебом кидались, играя! — гневно вскинув руку, рассказывал побратим, — У нас, в Грузии, и тогда и теперь — изобилие! Почему бы не поделиться, по-социалистически!? Все хорошо разработано, теперь ясно. После короткой паузы Гиви поинтересовался:

— Еще стоит хата Ярыны?

— Только куча глины осталась в бурьяне. Ярына (видимо временно очнувшись) повесилась на очкуре в том чуланчике; ее там и закопали. Детские головки я захоронил отдельно, — Андрей тяжело вздохнул.

Гиви стало дурно. Он подошел к окну, и распахнув створки настежь, тяжело дышал,

— Заросло?.. Бурьяном?.. Нэт! Нн-Э-Э-эт!!! — неистово закричал он, — Да, на том месте!.. Колонну до нэбэс поставить нада! Пусть все видят, пусть слышат!.. Как стонет

Земля. Это страшнее Чингиз-хана, Тамерлана!

— Будет ли конец... невероятной лжи?

— Будет! Правда победит зло!

Друзья крепко обнялись; их духовный мир, их сердца слились воедино, во имя борьбы за торжество Света Разума.

Примечания приведены в порядке обозначения их в тексте.

[1] І. В. Діак, Хто захистить наш народ і державу: Компартія України чи Укркомпартія? (научное издание), Киев (2000) с. 263.

[2] горгоны: злейшие персонажи греческой мифологии, у которых вместо волос, на голове ядовитые змеи.

[3] Личность Тараса Шевченко четко выяснена в диалоге: Т. Шевченко; его же сборник стихов — Кобзарь.

[4] ...с четырнадцатого: год (1914-й), когда Россия вступила в Первую Мировую войну (Германскую), за которой последовала в Российской империи семилетняя Гражданская война.

[5] ...руководящей и направляющей силы: имеется в виду компартия, руководящая роль которой была даже узаконена конституцией СССР.

[6] ...разков-монист: Мониста — ожерелье; немисто — бусинки — нанизываются на нитку; используют женщины и девушки как украшение.

[7] Сергей Есенин, Стихи, Краснодар (1980) с. 74.

[8] аутодафисты: от испанского: auto-da-fe — публичное сожжение на костре еретиков и их сочинений.

[9] Государственной статистики о количестве умерших от голода в 1933 и 1947 годах нет. Однако И. Дияк, ссылаясь на другие официальные документы, приводит достоверные материалы, объективно свидетельствующие о целенаправленном геноциде украинского этноса, о денационализации, уничтожении культурных ценностей коренного славянского народа.